Николай Митрохин

Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР

Когда редакция журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» обратилась ко мне с просьбой написать несколько страниц с обзором состояния дел в сфере изучения религиозности в СССР, мне пришлось крепко задуматься о том, исполнима ли эта просьба и могу ли я добавить что либо к сказанному ранее[1]. В середине 1990-х, когда я впервые обратился к данной теме, я знал примерно двадцать человек внутри России и вряд ли больше пяти за её пределами, кто реально что-то делал в данной области. В начале 2000-х их число выросло до сотни, в первую очередь за счёт появления молодых историков и антропологов, публикации наработок среднего поколения историков, просидевших 1990-е в (преимущественно провинциальных) архивах, а также различных «епархиальных» историков, принадлежащих к разным религиям и конфессиям. Организованная в феврале 2012 года в РГГУ большая конференция по теме советской религиозности собрала около 150 заявок от людей из разных стран мира, готовых за свой счёт принять в ней участие. Эту цифру смело можно еще намного увеличить, если учесть тех, кто не подавал заявки на участие в этой конференции, и тогда мы можем представить себе примерное количество академических и конфессионально-ориентированных исследователей, в данный момент занимающихся исследованием религии в СССР.

1. *Митрохин Н.* Советская власть, церковь и верующие в послевоенный период // Неприкосновенный запас. 2008. №3 (59) [http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/mi10.html].

Вместе с тем, знакомство с работами коллег, а также, конечно, заявками на упомянутую конференцию (мне пришлось их просматривать как члену Оргкомитета) позволяет говорить об удручающем однообразии и серьезных, в первую очередь источниковедческих, недостатках примерно 90% из них. Этому я и хочу посвятить предоставленные мне журналом страницы.

В принципе, российское религиоведение и изучение религии выглядит сейчас совсем не плохо, если сравнивать некоторые российские академические публикации (и выступления на крупных конференциях), монографии и сборники, опубликованные в заметных московских и питерских издательствах интеллектуальной литературы, с публикациями в основных западных журналах, посвященных данной тематике. В самом конце 1990-х – первой половине 2000-х усилиями групп исследователей, связанных с Центром Изучения религии РГГУ, Европейским и Смольным институтами в Санкт-Петербурге, а также Московским центром Карнеги и Франко-российским центром по гуманитарным наукам был совершен серьезный методологический прорыв. Он привел к резкому расширению спектра изучаемых тем и круга используемых источников, передал историкам религии методы и способы антропологических и социологических исследований, уравнял статус классических «архивных» источников и устной истории, позволил начать на равных разговор западных и российских религиоведов[2].

Другой вопрос, что данный прорыв затронул весьма ограниченную группу московских и питерских религиоведов и историков религии, а также их аспирантов – всего несколько десятков человек. Кроме того, данная тенденция не сказалась на классических российских историках (например, из исторических институтов системы РАН и истфака МГУ), которые обращались к теме советской религиозности. Их подход сохранял черты советского наследия – писать только о том, что было прочитано в документах, найденных желательно в надежных государственных архивах. В итоге, если современные западные историки перед началом исследования формулируют проблему (список вопросов), которую они намерены рассмотреть, то российские «классические» продолжают заниматься более или менее подробным пересказом

2. Тут мне ещё раз придется подчеркнуть, что речь идет именно об историках религии в СССР. Историки религии, занимающиеся античностью, Востоком или дореволюционной Россией, имеют собственные успехи и собственную динамику отношений с мировым религиоведением.

найденных документов. Таким образом, проблематика не отраженная (более или менее очевидно) в найденных ими документах, полностью выпадает из их поля зрения.

Комплекс таких документов, отложенный в одном, исследуемом исследователем фонде, далеко не полон, а зачастую и вовсе фрагментарен. Но более существенно то, что уже проведенные исследования наглядно показывают, что основная часть религиозной жизни проходила вне непосредственного контроля властей, во всяком случае, партийных и государственных органов. Документы практически не отражают всю ту систему невидимых нитей, связывающих между собой различные части религиозных организаций и групп верующих. Даже систему неформального контроля государства (и партии) и неформальных договоренностей с религиозными организациями они отражают весьма и весьма слабо. А опубликованная недавно переписка Карпова с патриархом Алексием I, как и более ранние публикации записей бесед этих фигур, показывает, что именно через подобные контакты и шло реальное взаимодействие, вмешательство, управление.

Хорошо, если «классический историк» пытается расширить свой кругозор за счет источников из других архивов или использовать иные типы источников – например, прессу этого периода, мемуары, дневники и другие виды документов личного происхождения. Однако большинство исследований в сфере изучения советской религиозности, к сожалению, пошли по иному, максимально простому пути.

Причиной, вызвавшей появление десятков, если не сотен, однотипных и скучных исследований, я называю «болезнью “фонда уполномоченного”»[3]. Ликвидация института уполномоченных Совета по делам религий и передача сохранившихся документов в фонды местных и центральных архивов по всему бывшему Советскому Союзу, а также сравнительная открытость этих фондов на фоне большей или меньшей «закрытости» фондов других идеологических учреждений этого периода и вызвала, на мой взгляд, тот взрыв в исследованиях советской религиозности, о котором мне приходится сейчас писать. Причём увлеклись чтением

3. Здесь и далее «фонд уполномоченного» в определенном отношении метафора. Уполномоченные Совета по делам православной Церкви (СДРПЦ), Совета по делам религиозных культов (СДРК) и Совета по делам религий (СДР) и их фонды появились после 1943 г.; для историков, занимающихся более ранним периодом, подобными фондами стали документы архивов ОГПУ-НКВД, ВЦИКа и т.п.

материалов «фонда уполномоченного» и местные, и значительная часть иностранных исследователей. В результате мы сейчас имеем буквально гору книжных и журнальных публикаций, в которых излагается то, что наши коллеги прочли в этих фондах. Некоторые интерпретации этого материала, основанные на новых методологических подходах (например, вопроса о «народной религиозности») небезынтересны, но большинство авторов занимается интерпретацией разрозненных фактов, заключающихся в том, что колхозники села такого-то такой-то области подали заявление об открытии церкви (молельного дома/мечети) и им было это разрешено, запрещено или что уполномоченный написал епископу такой-то ответ на такое-то прошение. Зачастую интерпретация этого материала очевидным образом зависит от политических установок автора, находящихся в диапазоне от известного утверждения, что «КГБ был правозащитной организацией»[4] до религиозного фундаментализма.

В принципе, и такая работа небесполезна. Анализ нескольких десятков подобных исследований, сделанных в разных регионах страны, может позволить уже другим авторам прийти к некоторым ценным обобщениям. Однако сейчас речь не об этом, а о том, что упускают такие авторы и что может существенно улучшить их работы.

В первую очередь, это, как ни странно, архивы. Однако для этого авторам необходимо перестать сидеть в «любимом» фонде, подождать с публикацией имеющегося материала и подумать о том, от кого ещё зависело состояние дел в области религиозности в их регионе. Местная партийная, комсомольская организации, местное управление КГБ, а если ещё подумать, то местное отделение общества «Знание», райисполкомы и облисполкомы, региональная пресса, различные «советы по атеистическому воспитанию» и прочие псевдообщественные организации так или иначе участвовали в определении и реализации политики в отношении религиозных организаций. Однако о них вспоминает и тем более использует материалы их архива редкий автор, знакомый с «фондом уполномоченного». Вместе с тем документы эти зачастую вполне доступны. Например, я нашел значительное количество документов по теме религиозности, представленных

4. *Маслова И. И.* Русская Православная Церковь и КГБ (1960–1980 гг.) // Вопросы истории. 2005. № 12. С. 86-96.

самыми различными организациями, начиная с Верховного суда, в фонде Бюро ЦК КПСС по РСФСР, хранящемся в РГАСПИ[5]. Эти документы, насколько я знаю, не использовались другими исследователями, хотя были рассекречены полтора десятилетия назад.

Кроме того, авторы практически не используют документацию самих изучаемых ими религиозных организаций. Да, зачастую оной не сохранилось, либо существуют огромные сложности по её использованию в силу позиции, занятой современными наследниками некогда гонимых священнослужителей, но большинство коллег, которых я спрашивал о причинах не-использования подобных документов, отвечали мне, что и не задумывались о такой возможности, не говоря о том, чтобы предпринять усилия по получению допуска к ним.

А ведь помимо классических архивных документов существуют и другие группы источников. Я уже упоминал о материалах прессы и документах личного происхождения. В последние два десятилетия религиозные организации предприняли огромные усилия по восстановлению собственной истории советского периода. Существуют и целые исторические сочинения, и тематические исследования, посвященные конкретным личностям, событиям, объектам (например, храмам), множество газетно-журнальных публикаций (в том числе вполне приличного, научного уровня), различные сборники свидетельств. Колоссальный объем материала, благодаря Интернету вполне доступный, но, увы, крайне редко и ограниченно используемый (я уж не говорю о, казалось бы, обязательных для исследователя попытках отследить по максимуму всю литературу, в том числе в Интернете, по проблеме/теме, которой он занимается). Очень часто мне как редактору или рецензенту приходится в процессе публикации чьей-то статьи в журнале требовать от автора посмотреть хотя бы публикации в местной епархиальной газете.

Полностью игнорируется и российскими, и, увы, западными авторами такой источник информации, как эмигрантская пресса, научная литература и материалы самиздата, попавшие на Запад. То, что было основным источником информации для исследователей в 1960 – 1980-е годы, сейчас лежит без движения в западных архивах и некоторых российских библиотеках (Исторической,

5. Некоторые из них опубликованы: *Митрохин Н.* Религиозность в СССР в 1954–1965 годах глазами аппарата ЦК КПСС // Неприкосновенный запас. 2010. №5 (73) [http://magazines.russ.ru/nz/2010/5/re8.html].

Иностранной литературы, НИПЦ «Мемориал»), хотя в своё время это был единственный способ (особенно для протестантских конфессий и православных оппозиционеров) передать и хранить информацию о повседневной жизни и практиках религиозных общин и их отношений с государством[6].

Как человек, более двадцати лет занимающийся устной историей, я могу только радоваться, когда встречаю в публикациях попытки использовать интервью с бывшими участниками событий для получения новой информации. Однако они, во-первых, встречаются крайне редко, во-вторых, похоже, большинством исследователей рассматриваются как некая проба пера, причем, как правило, малоудачная, поскольку сил и времени эта работа требует много, а «работать» начинают, когда собранный массив интервью достаточно велик – не менее 15-20 свидетельств по какой-то теме. В случае меньшего количества (и при отсутствии опыта работы с таким типом источников) исследователь зачастую впадает в сильную зависимость от информанта, выражающуюся в некритичном (и излишне частом) цитировании этого источника.

Наконец, самое большое удивление у меня вызывает тот факт, что исследователи советской религиозности игнорируют друг друга в своих публикациях. При удивительной схожести тем и подходов, при личном знакомстве многих из них между собой в списке ссылок на научные работы обычно содержится пара имен французских культурологов да одно-два имени коллег из ближайшего окружения. Западные коллеги (за рядом исключений) значительно чаще ссылаются на имена своих (тоже западных) коллег, часто игнорируя предшественников, писавших даже в 1980-е гг., и почти полностью игнорируя российских специалистов, за исключением опять же двух-трех имен авторов книг, попавших в западные библиотеки.

То, что западные коллеги, особенно молодые, не ищут и не читают подавляющее большинство российских и украинских работ, даже относящихся к своей теме, очевидно. Болезнь «фонда уполномоченного» охватила и их. Но у них в голове есть знание актуальной методологии и они в курсе основных направлений развития исторической науки – иначе они бы не выжили в конкурентной среде западных университетов. Почему же игнорируют

6. Попытка сопоставления «самиздатских» источников с современной информацией о тех же событиях предпринята мной тут: *Митрохин Н.* Русская православная церковь в 1990 году // Новое литературное обозрение. 2007. №1(83). С. 300-349 [http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/mi21.html].

чужие работы, не пытаются с их помощью улучшить собственные сочинения те российские авторы, которые сначала перекладывают в компьютер дайджест прочитанного в «фонде уполномоченного», а потом пытаются «пробить» публикацию в приличном журнале или выступление на солидной конференции – это для меня остается загадкой.

Библиография

Маслова И.И. Русская Православная Церковь и КГБ (1960–1980 гг.)//Вопросы истории. 2005. № 12. С. 86-96.

Митрохин Н. Религиозность в СССР в 1954–1965 годах глазами аппарата ЦК КПСС//Неприкосновенный запас. 2010. №5 (73) [http://magazines.russ.ru/nz/2010/5/re8.html].

Митрохин Н. Русская православная церковь в 1990 году // Новое литературное обозрение. 2007. №1(83). С. 300-349 [http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/mi21.html].

Митрохин Н. Советская власть, церковь и верующие в послевоенный период//Неприкосновенный запас. 2008. №3 (59) [http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/mi10.html].